

М. Е. МАССОН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НАМОГИЛЬНЫЕ КАЙРАКИ

Разнообразные эпиграфические памятники прошлого, ежегодно открываемые на территории нашей Родины, являются важнейшими первоисточниками для изучения истории народов Советского Союза. Из области среднеазиатской эпиграфики феодального периода особого внимания заслуживает обширная, еще далеко не полностью приведенная в известность и мало разработанная группа объектов в виде многочисленных средневековых намогильных кайраков, распространенных в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии и Южном Казахстане. Хотя отрывочные сведения об этих памятниках начинают встречаться еще с конца XIX столетия и в научной литературе, преимущественно краеведческого порядка, имеются небольшие статьи, посвященные транскрипции и даже переводу некоторого числа эпитафий с отдельных кайраков из разных районов, в целом ими никто не занимался. При своих многочисленных разъездах по всем среднеазиатским республикам с первых лет революции мне удалось ознакомиться с большим количеством этих намогильников, некоторые из них открыть и зафиксировать, другие — впервые прочесть, по иным подвергнуть проверке ранее предложенную расшифровку их текстов. Изложению в самом сжатом виде некоторых наблюдений над кайраками, а также полученных обобщений и посвящена настоящая статья.

Кайрак (قايراق — қайрақ) — собственно гладко окатанная крупная речная галька, пригодная служить в качестве точильного бруска. Этот термин на территории Средней Азии применяется в узком смысле для обозначения намогильных камней (قبر تاش) в виде галек — гольшей из более или менее твердых горных пород, в южных районах чаще всего из кварцеватых слюдястых песчаников серовато-черного цвета. Овальные в сечении, они имеют различные формы: от продолговатых валунов, вытянутых в длину до 90 см, до уплощенных лепешкообразных валунов, иногда с неправильными очертаниями по контуру. Кайраки употреблялись в натуральном виде без дополнительной обработки поверхности и без каких-либо изменений их естественной формы. Менее плотные, сланцеватые иногда попадают теперь в разбитом состоянии, что дало повод считать, будто некогда их ломали со специальной целью.¹ Не-

¹ Изв. Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 277—278.

основательность этого предположения вытекает и из слишком ровных плоскостей чисто структурного характера сколов и из-за мало вероятного в Средней Азии за последние несколько столетий с чьей-либо стороны организованного „гонения“ против старинных мусульманских надмогильников.

Намогильные кайраки наблюдаются там, где в старых руслах горных рек встречаются подходящие гальки крупных размеров, а именно в нескольких пунктах Джеттысу, Ферганы, по среднему течению Чирчика, в верхнем и среднем течении Зеравшана. Как исключение, отдельные гальки, заполненные эпитафией в ближайшем к их местонахождению городском пункте, оказывались иногда в некотором удалении от него; они были или вывезены еще в пору изготовления или доставлены позднее из „благочестивых“ побуждений для возложения на тот или иной почитаемый мазар.¹ Самым крупным центром изготовления намогильных кайраков являлся Самарканд, где их до сих пор сохранилось особенно много и где они отличаются наибольшим разнообразием, изысканностью и вместе с тем стилиевой строгостью. Мастера местной школы в средние века несли свое искусство резчиков эпитафий и в другие более северные районы. Это подтверждает между прочим один кайрак, встреченный мной в 1927 г. при изучении в археолого-топографическом отношении средневековой ферганской столицы, Узгента, среди намогильных галек у мазара Шамши-каттол-вали; некогда он предназначался для могилы Абу Бекра, сына Исма'йла, сына ал-Қасима, скончавшегося в 4-й день месяца ша'бан 601/27 марта 1205 г., причем в конце эпитафии высечены слова: „работа Махмуда Самаркандского“.²

На самых могилах и среди сгруппированных у мазаров намогильных кайраков часто встречаются гальки без всяких эпитафий. Некоторые из них изредка несут различные изображения. Лет тридцать назад в верховьях Зеравшана, на кладбище с. Иори, М. С. Андреев встретил кайрак, на котором была высечена одна только примитивная фигурка человечка с расставленными ногами и растопыренными руками. В 1920 г. в Самарканде, южнее древнего кладбища Джакер-диза, на могиле, находившейся во дворе одной махалинской мечети, среди кучи прочих галек мной был обнаружен необычный, продолговатый кайрак длиной около 35 см. При полном отсутствии каких-либо надписей он имел в одном конце вырезанные в профиль стилизованные изображения идущей птицы (фазана?) со сложенными крыльями и

¹ К такого рода „передвинутым“ намогильным галькам нужно отнести, в частности, кайрак, обнаруженный в 1939 г. третьим отрядом возглавлявшейся мной экспедиции археологического надзора на строительстве БФК в 17 км к северо-востоку от Коканда, близ с. Бувайды. Кайрак находился в помещении зийрат-ханы при здании мазара XIX в. Бибй 'Убайды и, согласно эпитафии, был изготовлен для могилы имама хатиб ал-ахрота Сулеймана, сына Дауда, скончавшегося в месяце сафар 595/декабре 1198 г.

² Всего на территории древнего Узгента мной было обнаружено и прочитано в 1927 г. в разных пунктах 28 кайраков. См. Изв. Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 267.

рядом еще более вычурной фигуры крупного громоздкого животного, напоминающего слона, покрытого попоной. На другом конце кайрака в такой же технике была вырезана в профиль человеческая голова в рубчатой короне, близкая по типу и манере исполнения к аналогичным изображениям на монетах позднего бухар-худатского чекана и на подражавших им „черных дирхемах“, обращавшихся на рынках Самарканда еще в XII в. К таким же уникальным кайракам с изображением живых существ принадлежит и та крупная галька, которая еще во втором десятилетии нынешнего века стояла подле мазара Абū-л-Мансūра Матуриди на кладбище Джакер-диза; на ней выше текста эпитафии были выгравированы две парные рыбы. По словам шейхов, обслуживавших тогда мазар, этот надгробный памятник был увезен из Самарканда еще в дореволюционное время каким-то приезжим художником.

С точки зрения размещения эпитафий все кайраки односторонни, и лишь в редких случаях дополнительные тексты оказываются высеченными на боках. На узких продолговатых кайраках эпитафии располагаются короткими поперечными строками, начиная с верхнего конца, и обычно заканчиваются, не доходя до низу. Незаполненный текстом нижний конец галек давал возможность, не закрывая последних слов, частично врыть надгробники в землю и устанавливать наподобие стел. Плоские овальные кайраки укладывали с некоторым наклоном на поверхность могильной насыпи в ее северном конце; они покрыты, как правило, горизонтальными же строчками эпитафий во всю ширину камня, причем длинные тексты сплошь и рядом занимают почти целиком всю верхнюю плоскость надгробника. В этом отношении исключение представляет обособленная немногочисленная группа своеобразных кайраков, которые своими плоскими лицевыми поверхностями напоминают жерновые плиты.¹ Типичным образцом их может служить хранящийся в Ферганском музее надгробник середины XIII в. с кладбища близ Чилийского ущелья против с. Янги-Наукат Ошского р-на. Плоская лицевая сторона этой гальки (высотой 50 см, шириной 42 см), своей естественной формой напоминающей как бы сердце, покрыта двумя незамкнутыми кольцами эпитафии, внутри которых в миндалевидном картуше вписано еще слово с обозначением одной из профессий покойного (рис. 1).

Наружное кольцо: هذا قبر امام الاجل البارع فحوالحق والدين ناصر ابن ناصر.
 В картуше: الخطيب. Внутреннее кольцо: بتاريخ سنة ثمان وخمسين وستماية.
 Это могила имама, славнейшего, превосходнейшего (по добродетели или по знанию), славы истины и веры, Нāсира, сына Нāсира проповедника (скончавшегося) в летоисчисление года шестьсот пятьдесят восьмого (= 18 XII 1259—5 XII 1260).

¹ О древнем обычае у некоторых среднеазиатских народов класть на могилы подлинные жернова и об изготовлении — как пережиток — декоративных жерновоподобных надгробников с эпитафиями см.: М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надгробников Южного Туркменистана. Матер. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 43—44.

У обычных кайраков наиболее парадно оформленные эпитафии размещаются в михрабовидных рамках, иногда с многолопастной арочкой. Среди редко встречающихся дополнительных украшений, чаще всего в виде отдельных элементов растительного орнамента, попадаются небольшие „крестики“, не раз уже вводившие в заблуждение малоопытных лиц, пытавшихся видеть в них отражение христианской символики.¹

Эпитафии на кайраках выполнялись исключительно на арабском языке различными вариантами почерков куфи, насх и, отчасти, дивани, причем в более поздней группе преобладают разновидности второго почерка. Тексты

часто без пунктуации и лишь изредка имеют другие знаки чтения. В каллиграфическом и литературном отношении безупречнее всего исполнены эпитафии самаркандских надгробников, хотя и на них встречаются различные погрешности, в том числе чисто орфографические. Упрощенное, грубее, лаконичнее всего и с наибольшим числом недочетов кайраки из северных районов (Казахская ССР, Киргизская ССР), среди населения которых в средние века, очевидно, было меньше, чем в Мавераннахре и Фергане, искусных мастеров и вполне грамотных людей.

В текстах эпитафий нет единообразия, хотя явно в каждую эпоху существовало одновременно несколько локальных типов их, служивших исходными шаблонами даже в части наделения покойников многослов-

Рис. 1. Кайрак с именем имама Насира проповедника 658/1259—1260 г.

ной титулатурой. Последнее обстоятельство в случае неполноты исторических данных в тексте того или иного кайрака облегчает выяснение времени изготовления самих надгробников.

Поскольку исполнение эпитафий было сопряжено с недешевой оплатой труда квалифицированных мастеров, покрытые высеченными текстами кайраки связаны в массе с погребениями представителей имущих классов. Подавляющее большинство из дошедших до нас этого рода памятников в свое время было приготовлено для могил лиц мусульманского духовенства различных рангов — имамов, раисов, шейхов, мударрисов и др. В некоторых эпитафиях упоминаются лица, принадлежавшие к суфийской торгово-ремесленной среде.²

¹ Н. Щербина-Крамаренко. По развалинам Средней Азии. Зодчий, 1886, кн. V, стр. 37, где помещен рисунок одного из кайраков с „крестиками“, найденного близ мазара Шах Фазиль в Сафид-Буленде.

² М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. ЭВ, II, 1948, стр. 10—13.

Исключительно редко встречаются кайраки светских правителей, из которых в настоящее время известны три. Первый, ферганский, находившийся на кладбище „асхабов“ близ с. Наукат с именем одного из последних Караханидов, эмира Зия ад-дина Османа, сына Йусуфа, сына Мухаммед-тегина аш-Шайи, скончавшегося „мучеником“ (шахид) на чужбине в шаввале 605/апрель—май 1209 г.¹ Второй, узгендский, кайрак с именем монгольского эмира Сатымыш Малик-шаха, сына Ильчи, титулованного „великим хаханом“ и скончавшегося в 665/1266—1267 г.² Третий — из Джеттысу, ныне хранящийся во Фрунзенском музее, предназначенный для могилы некоего эмира Люли, умершего в 725/1325—1326 г.³

Вопреки мнению В. А. Вяткина, будто „кайраков с женскими именами вовсе нет“, ⁴ таковые известны из разных мест Средней Азии, причем все датированные из них относятся к XIV в.

При определении положения женщины в эпитафиях указывается только, что покойница является матерью такого-то эмира или дочерью такого-то садра, или дочерью такой-то матери без упоминания отца, очевидно в связи с тем, что последняя при жизни сама пользовалась достаточной известностью в тогдашнем обществе. Очень редко указывается, что покойница была женою такого-то лица, причем в таком случае ее имя не приводится.

Большинство кайраков, предназначенных для женских могил, находится в северных районах Средней Азии и, видимо, принадлежало аристократии, вышедшей из кочевой среды. Изредка встречающиеся в эпитафиях нежные эпитеты, повидимому, относились к покойницам, не вышедшим из отроческого возраста. В одном случае имя женщины приведено в тексте кайрака в связи с тем, что она в качестве „женки“ и „несчастной созидательницы“ озаботилась изготовить этот намогильный памятник своему покойному мужу, упоминавшемуся выше эмиру Люли.

Кайраки, безусловно принадлежащие погребениям маленьких детей, не известны. Допустимо, однако, предполагать, что некоторые мелкие гальки, кроме одного имени не несущие религиозных формул и не сообщающие никаких иных данных о покойниках, предназначены были служить именно детскими намогильниками. Проставленная на одной небольшой гальке из

¹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ЗВО, т. XV, вып. II—III, СПб., 1914, стр. 276, где неточно говорится об осмотре в Оше на горе Бахти Сулейман „могилы“ этого Караханида. Ср.: В. В. Бартольд. Ош. (Корреспонденция из Оша). Русский Туркестан, 1909, 29 августа, № 189, стр. 3.

² Надписи на древних могильных камнях в селении Узгенте Андижанского уезда. Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 5. — Н. Г. Малицкий. Несколько слов о древностях Узгента. Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 9—10.

³ М. Е. Массон. Время и история сооружения „гумбеза Манаса“. ЭВ, III, 1949, стр. 35—36. — М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 41—42.

⁴ В. А. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. Изв. Среднеазиатского музея, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 278.

Джеттысу под именем „Исма'ил“, арабская цифра 7 возможно должна была обозначать трехлетний возраст умершего младенца.¹

Далеко не на всех кайраках имеются даты смерти. Когда они указаны, годы выписаны полностью словами по-арабски. Иногда сообщаются месяцы

и еще реже, преимущественно на надгробных кайраках XIV в., числа и даже дни недели. В этом отношении совершенно исключительным является узгендский кайрак, в эпитафии которого написано, что „шейх Баба-хаджа скончался 26 шавваля 779 г., в позднее утро, после утренней молитвы, в моельне“, т. е. 25 февраля 1378 г. вскоре после восхода солнца.² Очевидно, все эти подробности запечатлены потому, что самые обстоятельства кончины — в моельне и после свершения намаза — истолкованы были как сугубо знаменательные и особенно „благодетельные“.

В научной литературе самым древним среднеазиатским надгробным кайраком считается, со ссылкой на работу немецкого ученого М. Хартмана, относимая к середине IX в. самаркандская галька с именем шейха Абү Закарыйя', сына Йахья из Варгсера, смерть которого, по данным эпитафии и по ас-Сам'анӣ,³ последовала в месяце раби' I 230/ноябре—декабре 844 г. (рис. 2). Селение Варгсер находилось у головы канала Даргом. Кайрак варгсерского шейха привлек к себе внимание устроителей основанного в 1874 г. 'первого Самаркандского музейчика, куда он и был помещен вместе с другим кайраком, имевшим дату XII в. Здесь его в 1879 г. подробно изучал И. В. Мушкетов, взявший с гальки сколы для микроскопических исследований, на основании которых им дано было позднее детальное петрографическое описание кайрака варгсерского шейха. Казенный переводчик Управления Зеравшанского округа дал тогда же первый перевод эпитафии этого памятника, в общем правильно передал ее содержание и верно прочитал имя. Он был введен в заблуждение привычным начертанием года

Рис. 2. Кайрак с именем Абү Закарыйя' ал-Варгсерӣ и с датой 230/844 г.

тальное петрографическое описание кайрака варгсерского шейха. Казенный переводчик Управления Зеравшанского округа дал тогда же первый перевод эпитафии этого памятника, в общем правильно передал ее содержание и верно прочитал имя. Он был введен в заблуждение привычным начертанием года

¹ Н. Н. Пантусов. Кладбище на р. Кунгей-Аксу, близ сел. Сазановки. ПТКЛА, г. XI, Ташкент, 1906, стр. 17.

² Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 6—7.

³ The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Muhammad al-Sam'ānī. In: E. J. W. Gibb. Memorial Series, v. XX. Leiden—London, 1912, л. 581б. (В дальнейшем: Ас-Сам'анӣ, ук. соч.).

смерти. Поскольку в конце обычно помещается слово, обозначающее сотня, он допустил описку мастера и нашел возможным определить дату как 300 г. х., вместо 230 г. х.¹ В 1883 г. по распоряжению туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева был упразднен Самаркандский музейчик, а его археологическая и нумизматическая коллекция целиком увезены В. В. Крестовским для только что устраивавшегося тогда казенного Ташкентского музея.² В нем, благодаря наличию в Ташкенте более компетентных, чем в Самарканде, ориенталистов, в частности Е. Ф. Каля, ошибка в чтении даты на намогильнике Абӯ Закарийя' ал-Варагсерй была выправлена, и этот памятник фигурирует в материалах VII Археологического съезда как имеющий дату 230 г. х.³ В 1906 г. о нем появилось исследование М. Хартмана, снабдившего свой перевод подробным комментарием,⁴ после чего этот объект Ташкентского музея широко вошел в научную литературу как намогильник IX в.,⁵ хотя не все эпиграфисты были согласны с определением даты, считая, что надпись представляет собой относительно позднее возобновление старой эпитафии.⁶

Если признать, что данный якобы самый древний кайрак изготовлен в 884 г., то от прочих многочисленных среднеазиатских намогильников этой категории он будет отделяться промежутком времени свыше двух столетий. Между тем конструкция эпитафии, употребление слова „сын“ в форме ابن, громоздкая титулатура перед именем покойного и особенно набор титулов указывают на сравнительно позднее происхождение самого текста. Такого рода титулатуры у мусульманского духовенства начинают складываться со второй половины XII в. Вместе с тем сочетание титулов и эпитетов الشيخ الامام الزاهد البارع الوارع المتقى, т. е. 'шейх, имам, отшельник, превосходнейший (по добродетели), богобоязненный, воздержанный', которыми характеризуется Абӯ Закарийя' ал-Варагсерй, исключено для среднеазиатских намогильников XIV в. и, наоборот, очень типично для здешних кайраков XIII в., в частности третьей четверти этого столетия. Очевидно, к этому времени, а не к IX в., относится как составление эпитафии рассматриваемого кайрака, так и его изготовление. Такая датировка находится в полном соответствии с данными эпиграфического порядка, а также с типичным для этой эпохи орнаментальным обрамлением текста эпитафии.

¹ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I. СПб., 1886, стр. 298.

² В литературе отражено совершенно превратное представление, будто М. Г. Черняевым вместе с разгромом основанной по распоряжению К. П. Кауфмана Туркестанской публичной библиотеки был упразднен и Ташкентский музей (см., например: П. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд. Русская мысль, 1891, кн. 11, стр. 9). В действительности, М. Г. Черняев явился создателем Ташкентского музея и разрушителем Самаркандского.

³ Труды VII Археологического съезда, т. II, Прибавление VI, М., 1891, стр. 321.

⁴ M. Hartmann. Archäologisches aus Russisch Turkestan. OLZ, IX, 1906, № 1, стр. 28 и сл.

⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 104. — RChrérar, стр. 244—245 и др.

⁶ В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии. ЭВ, VII, 1953, стр. 68.

Появление в XIII в. новоизготовленного кайрака для могилы варагсерского имама-отшельника около четырех столетий спустя после его смерти, вероятно, связано с возобновлением в ту пору по тем или иным соображениям некоторых утраченных намогильных памятников более или менее популярных раннесредневековых деятелей на поприще ислама. Так, историк ас-Сам'аний еще во второй половине XII в. проявил заботу о находившейся в мервском селении Синдж и полузабытой к тому времени могиле одного местного деятеля, скончавшегося в 860 г., и даже написал на намогильном кирпиче составленную им самим эпитафию.¹ В этом отношении очень интересна терракотовая зеленая глазури намогильная плита, найденная на одном из присырдарьинских кладбищ к северу от Ташкента и хранящаяся в Музее истории народов Узбекистана. Она сделана в виде михрабной нишки; на ней написана черной краской эпитафия, из которой явствует, что ее предназначали для могилы шейха-отшельника 'Абдуллы, сына 'Йсы, скончавшегося в 400/1009—1010 г., причем датой изготовления самой плиты указан мухаррем 707/3 июля—1 августа 1307 г.

Учитывая все сказанное, намогильник варагсерского шейха, как и открытый мной в 1927 г. у узгендского мазара Клыч Бурх'ан ад-дина кайрак с могилы шейха Аб'у Зий'ада, сына Исма'ила, также умершего в 230 г. х. (причем здесь в дате повторяется необычная последовательность слов *وَتَثْنِيْنِ* *وَمَآيَه*), нет никакой необходимости признавать за древнейшие среднеазиатские намогильные гальки только на основании проставленных на них годов смерти обоих лиц.

Можно думать, что, подобно здешним средневековым мусульманским намогильным кирпичам, первые намогильные кайраки, с момента появления на них вначале относительно лаконичных эпитафий, употреблялись в течение некоторого времени без проставления дат смерти покойников. Годы кончины стали указывать, повидимому, уже к середине XI столетия, так как наиболее ранний из известных мне датированных кайраков, находящийся на кладбище таджикского селения Обурдон в верховьях Зеравшана, помечен 459 г. х.² По словам В. Л. Вяткина, среди самаркандских намогильных галек „огромное большинство кайраков принадлежит VI веку хиджры, небольшое количество VII и несколько штук VIII“;³ такое соотношение в среднеазиатском масштабе не наблюдается. По этим столетиям кайраки распределяются более или менее равномерно, лишь с некоторым превышением как будто для VIII/XIV в. Кроме того, самые молодые кайраки приходятся не на VIII в. х., а на IX в. х. Наиболее поздним из встреченных мной является

¹ Ас-Сам'аний, ук. соч., л. 313а. В переводе соответствующего места текста, помещенном в „Материалах по истории туркмен и Туркмени“ (т. I, М.—Л., 1939, стр. 335), допущены некоторые неточности, в частности неверно указана дата смерти.

² В. Л. Вяткин считал, что наиболее старый самаркандский кайрак относится к самому концу V в. х., т. е. к началу XII в. н. э. Эта галька находилась на кладбище Джакер-диза (см.: Изв. Средазкомстариса, вып. III, стр. 277).

³ Там же.

крупный кайрак, выкопанный в середине 20-х годов в Узгенде неподалеку от Янги-мазара и предназначенный для могилы шейха 'Абдуллы, сына Мухаммеда Бобо-хаджи, скончавшегося в рамадане 838/апреле 1435 г.

Выявление местонахождений кайраков в Средней Азии, эстампирование, фотографирование, сбор самых галек, наконец их изучение на месте — все это начато трудами русских исследователей и успешно продолжается советскими учеными. Первым европейским ориенталистом, столкнувшимся в 1863 г. с одним кайраком, вмазанным в стену у „тронного“ кукташа в Самаркандской цитадели, был А. Вамбери. Он совсем не разобрался в нем и принял его за „заложенный в стену кусок железа, имеющий форму половины кокосового ореха“. Венгерский ученый разглядел лишь, что „на нем вырезана арабская надпись куфическими письменами“.¹ Ее расшифровку и определение, что она включает эпитафию шейха Ахмеда, сына Дәуда, сына Исхәқа, скончавшегося в 21-й день месяца зү-л-хиджа 550/15 февраля 1156 г., сделал в конце прошлого столетия переводчик Самаркандского областного правления С. А. Лапин.²

Регистрация кайраков в Семиречье началась с сообщения И. А. Колпаковского в 1884 г. Н. Н. Пантусову, что на северном берегу Иссык-Куля, по р. Кунгей-Аксу, в 12 км к западу от с. Сазановки, имеется кладбище с надгильными гальками, на одной из которых, по словам местных мулл, якобы упоминается человек, „плававший по озеру Иссык-Кулю“. Часть камней была доставлена в Статистический комитет Областного правления Семиреченской области в г. Верном, некоторые были увезены разными лицами в Пржевальск и другие места, но все же в 1886 г. Н. Н. Пантусов застал на месте около девяти-десяти кайраков с надписями и тамгами. Фотографию с группы их он тогда же переслал в Археологическую комиссию.³ Как отмечалось выше, первые детальные петрографические описания надгильных кайраков принадлежат И. В. Мушкетову, опубликовавшему в 1886 г. с приложением перевода два самаркандских кайрака 230 и 541 гг. х.⁴

Начало предварительной регистрации некоторых ферганских кайраков положил в 80-х годах чустский уездный начальник Н. А. Арванитаки, собравший между прочим списанные копии эпитафий этих надгильных камней из Сафидбуленда и предоставивший их в 1885 г. на рассмотрение приехавшему тогда в годичную командировку в Туркестан от Археологической комиссии Н. И. Веселовскому. Последний, кроме того, сам лично осмотрел на месте кайраки в Касане (Фергана) и пришел к заключению,

¹ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 173.

² Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г., Самарканд, 1896, отд. „Смесь“, стр. 13.

³ ПТКЛА, г. XI, Ташкент, 1906, стр. 6. Позднее Н. Н. Пантусов сообщил еще ряд местонахождений средневековых надгильных кайраков, а по поводу кладбища у Сазановки опубликовал статью „Кладбище на р. Кунгей-Аксу“, в которой привел тексты, переводы и исследования 64 кайраков (см. там же, стр. 5—25).

⁴ И. В. Мушкетов, ук. соч., стр. 396—399.

что надписи на Ферганских кайраках начинаются с 550 г. х., а кончаются в IX в. х. и что все они связаны с могилами шейхов.¹

В 1895 г. в печати появилось изображение одного из виденных им в Сафидбуленде кайраков.² В 1897 г. Н. Г. Малицкий изучил, выехав на место, восемь намогильных галек урочища Арча-мазар близ Ходжакента на левом берегу Чирчика (ныне Казахская ССР) и, дав полный перевод надписей, сделал первую в науке попытку использования кайраков в качестве исторических первоисточников для изучения истории Ходжакента XIV в., с выяснением, к какой среде принадлежали упомянутые в эпитафиях лица и какова была их роль в тогдашнем обществе.³ В том же году, благодаря вниманию к этим археологическим памятникам вице-председателя Туркестанского кружка любителей археологии Н. П. Остроумова, были получены тексты трех кайраков из Узгенда, опубликованные вскоре вместе с переводами, причем Н. Г. Малицкий и по ним выступил с историческим анализом.⁴ Наконец, тогда же топограф К. А. Рудановский, осмотрев близ Чилийского ущелья, против с. Янги-Наукат Ошского р-на кладбище Сахалар-мазар, отметил там наличие около сотни камней с эпитафиями, препроводил в Ташкент археологическому кружку фотографии с четырех из них, а в своем письменном сообщении указал, что, по показанию местных жителей, почти половину намогильных камней в разное время вывезли отсюда в другие места, в частности будто бы в Ош, Узгенд и другие пункты.⁵ Первая публикация текстов двух эпитафий с кайраков XIII столетия из Касана в связи с обследованием древностей этого города А. И. Брюновым была осуществлена Туркестанским кружком любителей археологии в 1899 г.⁶ В. В. Бартольд, всегда уделявший внимание таким ценным эпиграфическим памятникам, какими являются намогильные гальки, в 1902 г. сам выявил

¹ Н. И. Веселовский. Дагбид. ЗВО, т. III, вып. I—II, СПб., 1888, стр. 89.

² Н. Н. Щербина-Крамаренко, ук. соч. Эти сообщения, как и сама работа, опущены в специальной статье о кайраках из Сафидбуленда, опубликованной в „Эпиграфике Востока“ (II, 1948, стр. 9—15).

³ Н. Г. Малицкий. Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия. Приложение к ПТКЛА от 5 мая 1897 г., Ташкент, 1897, стр. 10—21.

⁴ См.: Приложение к ПТКЛА от 16 октября 1897 г., стр. 5—7; Н. Г. Малицкий. Несколько слов о древностях Узгенда, стр. 9—10. Н. Г. Малицкий и обе его упомянутые интересные статьи о кайраках Ходжакента и Узгенда не отмечены в сводке опубликованных Туркестанским кружком любителей археологии материалов по среднеазиатским кайракам, которая содержится в прим. 3 на стр. 12 „Эпиграфики Востока“ (II, 1948), где вместе с тем приведены ссылки на ПТКЛА, г. V, стр. 73—74 и 104—113, содержание которых к кайракам никакого отношения не имеет. В первом случае речь идет о терракотовом намогильнике XIX в., а во втором — о мраморных намогильниках и других памятниках XIV—XVII вв. из Шахрисяба.

⁵ К. А. Рудановский, ПТКЛА, г. III, Ташкент, 1897—1898, стр. 4; там же на стр. 15 приложены неточная арабская транскрипция и примерный перевод четырех эпитафий, из которых две без дат, одна — 658 г. х. и одна с указанием даты смерти „сафар 767 г. х.“.

⁶ А. И. Брюнов. О следах древнего города Касана в Ферганской области. ПТКЛА, г. IV, Ташкент, 1899, Приложение к статье, стр. 153 и сл.

у подножья горы Тахт-и-Сулейман близ Оша несколько кайраков XII—XIII вв., которые незадолго до того были привезены туда из с. Наукат.¹ По его же инициативе Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в 1908 и 1909 г. выделил В. Л. Вяткину небольшие средства на снятие эстампажей с самаркандских кайраков. Эта работа длилась несколько лет, причем было зарегистрировано и прочитано около двухсот пятидесяти надгробных галек.²

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с широко развернувшимися в Средней Азии археологическими исследованиями памятники этой группы стали регистрироваться еще чаще и многие из них попали в собрания различных местных музеев. Наиболее крупная коллекция их сложилась при Археологическом отделе Самаркандского музея. В сборе и изучении кайраков за время советской власти принял участие ряд лиц, в частности М. С. Андреев,³ А. Н. Бернштам, Е. К. Бетгер,⁴ В. Л. Вяткин,⁵ М. М. Дьяконов,⁶ М. Е. Массон, И. А. Сухарев и др., но все же сделано еще недостаточно. Нельзя упускать из виду, что многие надгробники с течением времени утрачиваются и вместе с тем обнаруживаются новые. Так, в 1929 г. в Ходжакенте из восьми описанных в конце прошлого столетия кайраков я застал только четыре, но зато зарегистрировал новый, не отмеченный Н. Г. Маллицким и имеющий дату 761 г. х. В 1939 г. у подножья Тахт-и-Сулейман близ Оша мы не обнаружили галек, виденных в свое время В. В. Бартольдом и Л. А. Зиминим,⁷ но зато нашли три неизвестных нашим предшественникам кайрака XIV в. с датами 741, 779 и 788 гг. х.

Пора во всех среднеазиатских республиках провести в местных музеях, организациях по охране памятников и соответствующих научно-исследовательских институтах сплошную регистрацию всех имеющихся средневековых надгробных кайраков, обеспечить их сохранность, по возможности сконцентрировать в музейных фондах, изготовить эстампажи и фотографии, прочесть эпитафии и подвергнуть их всестороннему анализу. Это одна из необходимых и своевременных работ по изучению среднеазиатских эпиграфических памятников феодального периода.

¹ Газ. „Русский Туркестан“, 1902, № 189, стр. 3.

² Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, № 10, СПб., 1910, стр. 11 и 22.

³ М. С. Андреев. По Таджикистану. Отчет по экспедиции 1925 г., вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 31.

⁴ Из письма Е. К. Бетгера по поводу кайраков из Киргизии: ЭВ, V, 1951, стр. 134—135.

⁵ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника, стр. 277—278.

⁶ М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. ЭВ, II, 1948: Изв. Среднеазиатского музея, вып. III, стр. 9—15.

⁷ Л. А. Зимин. Сказание о городе Оше. ПТКЛА, г. XVIII, кн. 1 (напечатано ошибочно: „год семнадцатый“), Ташкент, 1913, стр. 15, где упомянут кайрак некоего имама, умершего в месяце раби' ала-ахир 731/1331 г.

В. Д. ЖУКОВ

КАЙРАК С ДВУЯЗЫЧНОЙ НАДПИСЬЮ 574/1178 г.

В 1949 г. в Самарканде, на территории, где находилось средневековое кладбище Джакер-диза,¹ во время археологического наблюдения за земляными работами были обнаружены несколько кайраков,² смещенных с обозначаемых ими погребений; в целях сохранности их перенесли на Самаркандскую археологическую базу Института истории и археологии АН УзССР. Все они имели эпитафии на арабском языке и относились к XII в. На одном из этих кайраков (см. рисунок) высечены две эпитафии — на арабском и таджикском языках.³

Археолог-востоковед В. Л. Вяткин, разобравший более 250 эпитафий на подобных камнях, собранных в Самаркандском районе, сообщает, что „все кайраки имеют исключительно арабский текст“.⁴ Учитывая это замечание, особый интерес должен представлять вышеуказанный кайрак с двумя разноязычными текстами. Эпитафии высечены на камне обычной формы для этого рода памятников — продолговатой, слегка округлой гальке (гранит, повидимому, из Каратюбинских гор; обломки его довольно часто встречаются в руслах саев южного склона отрогов Зеравшанских гор). Длина камня 0.41 м, ширина посредине около 0.2 м. Один конец его в нижней части текста имеет значительное утолщение.

Надписи размещены на одной, несколько уплощенной стороне камня, расколотого на две части. Подобные следы умышленного повреждения отмечал

¹ Об этом кладбище см.: В. В. Бартольд. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. II. Исследования. СПб., 1900, стр. 92 со ссылкой на тексты, стр. 55 и 59. — В. Л. Вяткин.

1) Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята. Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 20; 2) Перевод Кандия Малая. Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. VII, стр. 265—266; 3) Шейх Мотарид. Справочная книжка Самаркандской области 1902 г., вып. V, стр. 229—230. Местонахождение этого кладбища указано на плане „Самарканд с XIV в.“ (см.: М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд—Ташкент, 1929).

² Часть литературы о кайраках приводится в статье: М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. *ЭВ*, II, 1948, стр. 12, прим. 3.

³ О кайраке с двумя надписями — арабской и персидской — и с датой 834/1430—1431 г. упоминают А. Ю. Якубовский и О. И. Смирнова (*Материалы и исследования по археологии СССР*, № 15, М.—Л., 1950, стр. 21 и 62).

⁴ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. *Изв. Средневековедения*, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 277.

и В. Л. Вяткин у значительного количества просмотренных им кайраков.¹ Кроме того, в левом углу имеется скол с частью рисунка 'унбана, венчающего рамку, в которую заключен весь текст, состоящий из десяти строк. Сами надписи несколько не пострадали от этих повреждений. В верхней эпитафии почти нет пунктуации.²

Верхняя надпись

- [1] هذا قبر
 [2] امير الاجل ظهير الدين
 [3] جمال الاسلام والمسلمين عثمان
 [4] بن علي بن عمر الصفار نور الله قبره
 [5] توفي غره رجب سنه اربع وسبعين
 [6] وخمسائة

- [1] Эта могила
 [2] амира славнейшего, пособника веры,
 [3] красоты ислама и мусульман 'Османа
 [4] сына 'Али сына 'Омара ас-Саффара [медника]. Да осветит Аллах могилу его!
 [5] и [6] Скончался в новолуние [месяца] раджаба пятьсот семьдесят четвертого года [13 декабря 1178].

Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. Самарканд.

Вторая надпись внизу — четверостишие (руба'и) на таджикском языке — размещена на четырех строках. Все буквы сохраняют пунктуацию; ر و د повсюду отмечаются точками, высеченными под ними. Почерк не такой строгий, как в верхней надписи.

Нижняя надпись

- [1] عثمان غريب خسته مى گفت بيدر
 [2] يا خالق ذا الجلال كى واحد فريد
 [3] يا رب بكنه كبره من در بگردان
 [4] من رفتم اعتميد بر فضل تو كبر

- [1] 'Осмāн пришелц немощный, страдая, говорил:
 [2] „О, создатель всемогущий, который [есть] один единственный!

¹ Там же.

² Пунктуация восстановлена для удобства чтения. (Ред.).

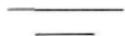
[3] О, господи! Прости великодушно содеянное мной!

[4] Я отошел, на милость твою полагаюсь".¹

Как видно из текста, эпитафии не выделяются оригинальностью и относятся к одному и тому же лицу — 'Осмāну; покойный происходил из ремесленников и был почитаемым лицом среди духовенства. Принимая во внимание стоящий перед его именем титул, вряд ли другое лицо, кроме самого 'Осмāна, могло употребить в виде определения к имени эпитет „гарйб“ (غریب). Повидимому, мы здесь имеем четверостишие, сочиненное еще при жизни самим Осмāном, которое и было после его смерти высечено в виде дополнения к основной эпитафии на его могильном камне.

Кроме некоторых характерных особенностей письма XII в., обнаруженный кайрак позволяет установить: 1) наличие в Самарканде в XII в. на кайраках параллельных эпитафий и на таджикском языке; 2) имя и год смерти стихотворца, может быть сочинившего единственное только четверостишие, сохранившееся на камне.

Обе надписи представляют интерес как памятник палеографии карахандского периода, хорошей сохранности. Вторая же эпитафия вместе с тем является и второй по времени из известных в Средней Азии наиболее ранних надписей на таджикском языке, если первой считать надпись на северном узгендском мавзолее 1152 г., разобрannую проф. А. Ю. Якубовским.

¹ Перевод А. К. Арендса. К своему переводу А. К. Аренде сделал следующие добавления:

Размер руба'и

0 0 — —	0 — 0 —	0 0 — —	1
0 0 — —	0 — 0 —	0 0 — —	2
0 0 — —	0 0 — —	0 0 — —	3
0 0 — —	0 — 0 —	— — — —	4

В третьей строке — 2-я стопа и в четвертой строке — 1-я стопа содержат допустимые варианты метра руба'и. 1-ю стопу четвертой строки можно читать и как من رَفْتَم , и тогда размер стопы будет такой же, как в 1—3-й строках.

В XI в. еще не было забыто, что کرد — форма причастия страдательного залога, т. е. букв. 'Я отошел и (رفتَم) полагание сделано на милость твою'.

Приношу А. К. Арендсу благодарность за разрешение поместить в настоящей статье его перевод и замечания к нему.

² А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. ЭВ, I, 1947, стр. 29.